

Родилась в Загорске Московской области (сейчас — Сергиев Посад) в 1979 году. Окончила МГУПИ. Автор двух поэтических сборников. Живёт в Москве.

СЫНОВЬЯ

ни кукушки на часах, ни соловья, а по осени всё снятся сыновья. вспоминают, где оставили тела, упрекают, что других не родила.

реже старший — медалист и ловелас. ты вела его когда-то в первый класс, он светился, ты баюкала букет, еле-еле помещавшийся в руке, и тогда уже мечтала, чуть дыша, выбрать имя для второго малыша. а потом, едва проклюнулась весна, белый свёрток в коммуналку принесла, осторожно положила на кровать да к обеду поспешила накрывать.

если старший рос, как во поле трава, младший всем, чем только мог, перехворал, пил, не морщился, что доктор назначал. как же часто он приходит по ночам:

— хватит, мам, не убивайся, я прошу. так случилось, не раскрылся парашют. что назначено, того не избежать. надо было тебе девочек рожать.

ты прости уж нас, добавили седин. мы с Серёгой здесь без дела не сидим: то аварии, то взрывы, то война — помогаем обжиться пацанам. ведь, ей-богу, попадаютса птенцы, желторотые, и каждый чей-то сын, велика ему на небе колыбель. да кому же это знать, как не тебе.

и Серёге не хотелось умирать, только пыльная дорога на Герат забрала его, а родина в бреду обменяла на бумажку да звезду. он же тут меня моложе и сильнее. если курим, то сидим спина к спине. здесь есть озеро, над озером ветла. больно не было. пожалуйста, не плачь.

СЛОШНАЯ СРЕТЕНКА

Зима одупляется без посредников,
Подтаявшим снегом блюёт восторженно.

Когда на душе сплошная Сретенка,
Так остро скучается по Остоженке.

Зима ощущает своё бессмертие,
Во всех отраженьях стоит мадонною.

Её вызывают аплодисментами

Стеклянные двери ночных макдональдсов.

А Сретенка носит меня — как свастику —

На левом предплечье — легко и знаково.

Условно родные, мы столько квасили,

Читали, любили и брились наголо,

Что кажется странным моё бессилие,

Моя невозможность по ней соскучиться.

Зато по Остоженке...

Как бесила и

Подчас восхищала, держа в попутчицах,

Остоженка — слишком чужая издали,

На всём протяжении дьясь заносчиво.

Как била копытами, норовистая,

У Бога менявшая день за ночь его,

Решив непременно собрать кунсткамеру.

На Сретенке правит моё мальчишество —

Играет понтами в бессчётных каверах.

Остоженка правит меня и пишется.

По плечи в облачную взвесь
 опять стоишь на мокрой крыше,
 по плечи в облачную взвесь,
 не потому что к небу вышел,
 а потому что вышел весь

непреднамеренный сообщник,
 несостоявшийся злодей.
 мы все учились на заочном
 ходить по огненной воде,

блевать тоской и ядом спамить,
 трофеи наскоро сверять,
 когда тебя приводит память,
 мы сталкиваемся в дверях.

виток спирали припятать данте
 подонки, жившие за нас.
 замрут часы, как секунданты,
 прокачивая резонанс.

твой револьвер из оригами,
 а мой скрывает кобура,
 и мы расходимся кругами,
 чтоб никогда не умирать.

ЗДЕСЬ В МУЖЧИНАХ ЦЕНИТСЯ ВОЙНА

Здесь приравнен ветер к свисту пуль,
 Яростно высасывая пульс
 Дважды бронированным КАМАЗам.
 Стёклам поклоняется бетон.
 Город окровавленным бинтом
 Наживую с пропастью повязан.

Каждый шаг впивается в судьбу,
 Словно провоцируя Судью
 (Участь красной карточки валентна.)
 Выбором пристанища вольна,
 Здесь в мужчинах ценится война,
 В женщинах — скорей, послевоенность.

Улицы зияют немотой.
На плечах балконов не манто —
Плюшевые братья моногамий.
Каждому — посмертную медаль.
Гильз слегка обжаренный миндаль
Хрустко раздаётся под ногами.

Летопись конца — плакат, плакат.
Солнце висит в гамаках
Чернобоких птиц-аэростатов,
Донельзя исклёванных борьбой
Высших сил, не властных над собой,
Сбившихся в кармическое стадо.

Будь ты царь, пророк или джедай,
Бога за углом не поджидай
Без противоядия от смерти
В городе урановых вагин,
Чей пароль ложится на логин,
Как на дзот, взорвав аплодисменты.

Здесь порог рассвета — болевой.

Это я придумала его
На служебном выходе из ада,
Город с антрацитовым лицом,
Чтобы возвращаться каждый сон,
Вечная его Шехерезада.

ЧЁРТОВО КОЛЕСО

как легко превращается песня в притон для нот,
оттого что тебе не двадцать, притом давно,
оттого что на взлётно-посадочной полосе
ты бескрыло шевелишься в чёртовом колесе.

отгорело, прошло, устаканилось, улеглось,
и любовь не любовь, как и злость на себя не злость.
а местами ты даже счастлив исподтишка
с проходной маетой, разбросанной по стишкам.

с проходной маетой, с воспитанной немотой
словно ходишь по замкнутой улице молодой.
там шаги остаются на память для никого,
и зевает Господь, как усталый экскурсовод.

надоедливой песни разнашивая мотив,
прекрати в себе дикого лирика, прекрати,

но скрипит по нему непрошенная попса
где-то в ржавом сердце чёртова колеса.

ОТ КАМИНА

после имени пауза, после паузы темнота.
я спешу по коридору, разговаривает вода.
велосипедная камера мотор снято
свято.

это план генштаба, телефонная трубка мира.
я однажды научу тебя прикуривать от камина —
осторожно, ещё затяжка, ещё застёжка .
ждёшь, как

голубые бабочки, вспыхнув, уйдут под купол,
ибо точное время мучеников и кукол —
половина шестого от сотворения мира
мимо.

нам давно четырнадцать или недавно тридцать.
поутру в одном из нас умирает птица,
чтоб в другом родиться,

а когда обнажённая правда уже одета,
я не знаю, зачем должно продолжаться лето
с сумасшедшими, лучшими, дерзкими, но не с нами,
и оно не знает.

ПОЖАРЫ

любимая, легко ль тебе горится?
моя простоволосая царица.
покуда я, с часами наряды,
по брошенному городу иду
и собираю все твои пожары,
обещанные ветру, в ямы рук.
а фонари, суровы и поджары,
включаются в знакомую игру,
отбрасывая тени и причины
вести себя, как взрослые мужчины,
пожизненные спутники твои.

случайными машинами ГАИ
нарушен сон вечернего проспекта.
неумолимо близится среда.
на цыпочках входящий в образ некто
однажды поцелует и предаст.

гнилой валет из золотой колоды.
в его губах, немислимо холодных,
заложено бессмертие твоё,
но, видит Бог, петля ему споёт,
и он рассыплет белые монеты,
чтоб их до мая втоптывали в грязь.

не осознав торжественность момента,
ты через год воскреснешь, сентябрьсь,
а ливни поспешат к тебе на помощь.

ты мне одной саму себя напомнишь.
всем остальным покажешься свежа,
готовая и править, и рожать.

И какой-то Гамлет
Этот мир фатален и неподсуден,
Разделяясь на инь и пьянь.
Даже девочки для битья посуды
Ищут мальчиков для битья.

потому что парность универсальной,
Чем любое из прочих зол.
Все слова, что когда-то уже связали,
Повторятся в другой сезон.
Оттого не менее увлечённо
У поэтов и сволоты.

Будет чёрным белый и белым чёрный,
А малиновый — золотым.

И какой-то Гамлет не станет Бродским,
Научившись принадлежать,
Отпустив на волю свои наброски
С тридесятого этажа.

МУЖЧИНА, ЖЕНЩИНА И ВОЙНА

мои герои не спят, когда архангел трубит отбой:
она, потому что дежурит, а он, потому что не спит она.
и если для мирных лирика моногамна само собой,
то здесь треугольник:
мужчина, женщина и война.

он спрашивает:

устала?

озимая нежность даёт ростки,
а связь дерьмо, но каждое слово кровь превращает в йод.
летёха — мальчик, стоящий с мелом у гробовой доски —
вторые сутки мамой её зовёт.

она сидит с ним вторые сутки и гладит по голове.
похоже, сегодня аврал на небе — нехватка свободных мест.
она хотела бы написать, да слово не соловей
я_в_ночь_
целую
остальное не влезет в смс.

известно, что за словами порой толпятся ещё слова.
мои герои на них скупы они — не играют в страсть.
он вряд ли напишет, как пел хирург и голос себе сорвал
живому майору без рук и ног,
как всхлипывала сестра.

рожденные в камуфляже на окровавленной простыне
обычные боги цитируют гессе, когда выходят курить.

он пишет ей о любви, а получается о войне.
она ему о войне, а получается о любви.

